

С ДОНА TO GLASGOW
Уникальный проект
Ростовской консерватории и Шотландкой академии музыки и драмы

Intrada

Международными контактами высших учебных заведений сегодня никого не удивишь. Даже в России, где интеграционные процессы стали набирать силу только в конце прошлого века. Обучение иностранных студентов, «перекрестное опыление» стажировками, лекциями, научными командировками – одна из самых обсуждаемых в вузовской среде тем. Не исключение и вузы музыкальные, но у них перед любыми другими есть неоспоримые преимущества: не ограничиваясь названными формами общения, вступить в сотрудничество собственно творческое. А в качестве результата предъявить обществу обеих стран то, что принято называть модным в кинотеатральном мире словом *копродукция*. Мой компьютер подчеркивает его красным – даже словари Microsoft Word не поспевают за временем. Но смысл слова, думаю, понятен: создание совместного «художественного продукта». Ценность его возрастет, если проект направлен не на «одноразовую» акцию, а уже имеет свою, пусть небольшую, историю и многолетнюю перспективу.

В рамках именно такого проекта развиваются в последние годы отношения между Ростовской государственной консерваторией (академией) им. С. В. Рахманинова и Королевской Шотландской академией музыки и драмы в Глазго. В проекте, который финансируется Европейским Союзом (Комиссией по поддержке инициатив в области культурного сотрудничества между ЕС и Россией), участвуют также оперные театры обоих городов, другие учреждения. Оттолкнувшись от названия крупнейшего международного фестиваля кельтской музыки «Celtic Connections», которое на слуху у каждого шотландца, наши партнеры назвали проект «Celtic-Cossack Connections». Очевидно считая, что если они – потомки кельтов, то ростовчане – поголовно казаки; третье слово хорошо известно всем пользователям всемирной паутины. Но по-русски «Кельто-казачьи соединения» звучит не слишком благозвучно...

Студенты Ростовской консерватории уже участвовали в успешных постановках в Глазго и Эдинбурге русских опер. Весной 2009 в обеих странах исполнялись «Ариадна на Наксосе» Р. Штрауса и «Федра» Бриттена. В 2010 году планируется совместная постановка «Войны и мира» Прокофьева.

Ректор Ростовской консерватории народный артист России, профессор Александр Данилов, который в этой должности более 20 лет и является человеком информированным, утверждает, что никакие другие международные двусторонние отношения консерваторий не были отмечены подобной глубиной и последовательностью. От себя добавлю: его задачи, содержание и формы столь масштабны и оригинальны, а мера воздействия на культурный ландшафт обоих городов и регионов столь значительны, что рассказ о них, надеюсь, будет интересен российским музыкантам.

Но начну не самого проекта, а с того культурно-исторического контекста, в котором он возник и реализуется. Получится смесь путевых заметок, наблюдений слушателя курсов по обмену опытом и музыкального обозревателя.

«Иное всё...»?

Гете заметил: чтобы понять поэта, надо отправиться на его родину. Полагаю, сказанное относится и к творческому партнеру. Видимо, приглашающая сторона это учитывала, вызвав меня, отвечающего за информационную службу Ростовской консерватории, на две недели в Глазго. Первая из них была отдана деловым встречам, концертам и спектаклям, вторую я был предоставлен сам себе и посвятил время «культурному туризму».

Не избалованный заграницами, я прилетел в Глазго ночью. Опуская изумления – по поводу того, как удобно устроен аэропорт, почему мы проехали до города, не встретив ни одного светофора, и тому подобного, что изумляет среднестатистического россиянина по прибытии в иные пределы, и что не переставало радовать вплоть до возвращения на родную землю, встретившую меня угрюмо-подозрительным взором пограничника, – поделюсь впечатлениями утренними и последующими. Впечатления эти существенно корректировали всё то, что я постарался предварительно узнать о стране (официально – административно-политическая часть Великобритании), городе и вузе.

Страна северная, Глазго расположен приблизительно на широте Москвы, но климат и растительность совершенно иные. В конце января в крошечных садиках перед домами или за ними, особенно в пригородах, зеленеют кипарисы и пальмы, многие деревья словно забыли сбросить листву, некоторые цветут, а на газонах умиляют взор незабудки и подснежники. «Зима у них не долго...», ее, можно сказать нет совсем, «...а морозов больших и не слышать». Столбик термометра редко и на короткий срок опускается ниже нуля. Может пойти снег и через час растаять без последствий для красот флоры. Так же хладоустойчивы обитатели этих мест. В жилище нередко +15...+17 градусов. На улице, при температуре +7...+9, мы с женой, одетые в куртки, поминутно встречали шотландцев обоего пола и разного возраста в футболках, а вечером в пятницу – стайки спешащих на party юных леди в балетных пачках и, простите, без чулок и джентльменов в традиционных килтах – клетчатых юбках, которые, очевидно, не сильно защищают от холода.

Безукоризненная чистота на улицах и в присутственных местах. Улицы прибирают такими моющими пылесосами на колесах, какие у нас можно увидеть в аэропорту или супермаркете. Гарантированная и привычная как воздух чистота определяет некоторые нормы поведения: к примеру, придя в театр или концертный зал, шотландец может свою куртку сунуть, не глядя, под кресло, в котором сидит. А может вовсе не снять: гардероб имеется, но не слишком популярен; в зале, естественно, не жарко. К месту заметить: и на работу, и на концерты-спектакли глазговчане (глазговцы?) надевают подчеркнуто будничное, приберегая наряды для похода в ресторан. Вообще на одежде можно здорово экономить и при этом не выглядеть бедно. Если не рваться во что бы то ни стало в роскошные бутики с соответствующими ценами, есть возможность справить себе гардероб недорого, в пересчете на рубли получится даже дешевле, чем у нас.

Население Шотландии – немногим более пяти миллионов человек, что сопоставимо с Ростовской областью. Здесь родились Роберт Бернс и Вальтер Скотт, Роберт Стивенсон и Артур Конан Дойл, основоположник современной рыночной экономики Адам Смит, создатели неувядающих брендов Макинтош (плащ), Липтон (чай) Пинкертон (детективное агентство).

Наши страны на протяжении столетий связывают дружеские отношения, а народы – искренняя взаимная симпатия. Глубокие различия дополняются сходством между национальным характером и традициями россиян и шотландцев, что не раз замечали представители третьих стран. Потомки древних кельтов не похожи на «чопорных англичан», как не похожи на них... сами англичане. Это такой же миф или, если хотите, устаревшее клише, как лондонские смог и туман (к теме стереотипных представлений в их художественном осмыслении я еще вернусь при описании одного из оперных спектаклей). Ряд выходцев из Шотландии прославились в России: наставник Петра Первого Патрик Гордон, генералы, фельдмаршалы и адмиралы, инженеры и предприниматели, ученые, архитекторы, врачи. Предки Лермонтова (вероятно, их родовая фамилия – Лермонт) переселились на наши земли из тех краев. По крайней мере, так считал он сам. Помните? – «На запад, на запад помчался бы я, Где цветут моих предков поля... И арфы шотландской струну бы задел...» С начала XVIII века российский флот ходит под Андреевским флагом, очень похожим на национальный флаг этой страны – Св. Андрей считается также и покровителем Шотландии. Наши народы вместе сражались с нацизмом во Второй

мировой войне. В устье реки Клайд мне показали место, откуда уходили – в Северное море, потом в Норвежское и Баренцево, с прибытием в наши заполярные порты – караваны британских судов с военными грузами.

Глазго и RSAMD

Столица Шотландии – один из городов-побратимов Ростова. По численности жителей – четвертый город в Соединенном Королевстве: около 630 тысяч, что составляет примерно 2/3 населения российской Южной столицы. С тех пор, как почти триста лет назад Даниэль Дефо назвал Глазго «чистейшим, красивейшим и лучше всего устроенным городом Британии, за исключением Лондона», изменилось очень и очень многое, но только не эти характеристики. Британский мегаполис – носитель старинных религиозных и образовательных традиций. Ныне он является и одним из крупнейших культурных центров мира. Недавно ЮНЕСКО удостоила его звания «Город музыки», поскольку тут каждую неделю в среднем происходит более 125 концертов разных стилей и направлений, ежегодно проводится множество фестивалей. Ранее этого почетного звания были удостоены только два европейских города – испанская Севилья и итальянская Болонья. В 1990 году Глазго уже был провозглашен Культурной столицей Европы, а в 1999-м стал Британским городом архитектуры и дизайна. Здесь «прописаны» (разумеется, помимо знаменитых футбольных клубов «Глазго Рейнджерс» и «Селтик») Королевский Шотландский национальный оркестр и Шотландский симфонический оркестр Би-би-си, Королевская Шотландская опера, Шотландский балет – отдельные, независимые друг от друга структуры. В сфере концертного бизнеса и звукозаписи занято около трех тысяч человек, а сам этот сегмент рынка оценивается почти в 75 миллионов фунтов стерлингов. Чтобы перевести эту сумму в рубли, ее следует умножить минимум на 50.

За почти четверть века партнерства мегаполисами, расположившимися на берегах Дона и Клайда, осуществлено немало совместных проектов в области образования, спорта, в социально-экономической сфере. Но тесных контактов на уровне академической музыкальной культуры до сих пор не было. Не было, пока Ростовская консерватория не начала активно сотрудничать с Королевской Шотландской академией музыки и драмы (RSAMD). История академии восходит к 1845 году, когда был основан Коммерческий колледж. В 1890-м, пройдя «ряд волшебных превращений», учебное заведение стало специальным музыкальным, 1929-м – преобразовано в Шотландскую национальную академию музыки и в 1968-м году обрело нынешнее имя.

Дело поставлено широко, с размахом, в контакте с культурными учреждениями и администрацией города. Многие начинания RSAMD поддерживаются городским советом. Невольно сравниваешь: поскольку Ростовская консерватория находится в федеральном подчинении, городские и областные власти ее, что называется, «в упор не видят». Рассчитывать на их помощь практически не приходится. В Глазго же отношение руководства города к жизни академии я сразу почувствовал на себе: по случаю приезда представителя русского вуза-партнера заместителем мэра (лорда-провоста) был дан официальный прием с полусотней приглашенных. Академия щедро финансируется государством, умело привлекает иные источники, ее патроном является принц Чарльз. По имеющимся данным, 99% выпускников трудоустраиваются в течение полугода с момента окончания учебы.

RSAMD занимает огромное, в целый квартал здание в историческом центре города – напротив весьма скромного выглядящего оперного театра и вблизи Ройял концерт-холла, являющегося одной из архитектурных достопримечательностей современного Глазго. Сердце конструкции – оперная студия, фактически полноценный оперный театр с большим залом, сценой, бесконечными лабиринтами закулисы. Остальные помещения располагаются подковой вокруг студии, в их числе еще два концертных зала и несколько внушительных размеров учебных помещений, которые при необходимости тоже можно сделать местом проведения концертов. Как следует из названия, здесь готовят музыкантов

и артистов театра, с недавнего времени начата также подготовка артистов современного балета. Академия сотрудничает со многими музыкальными вузами Европы.

Британцы подписали Болонскую конвенцию, но и в этом вопросе они одновременно и часть Европы – и сами по себе. Подобно тому, как сохраняют национальную валюту и продолжают ездить по левой стороне дороги. Ядро образовательной структуры похоже на привычное нам и, видимо, иным быть не может. Но «оболочка ядра», его внутреннее строение и содержание учебного процесса во многом отличны.

Наибольшие структурные единицы – факультеты: музыкальный и театральный. Первый, о котором далее и пойдет речь, значительно крупнее. Кстати, слов «факультет», «кафедра» они не употребляют, нет у них «ректора» и «деканов» – во избежание ассоциаций с церковью и духовыми учебными заведениями. Пользуются нейтральными наименованиями: для руководителей – *Principal, Head*, для структурных подразделений – школа, студия, департамент. Срабатывает и свойственное ангlosаксам вообще стремление к экономии слов; к примеру, вместо нашего «зав. кафедрой струнных инструментов» у них *Head of Strings*. Но, чтобы не путать себя и читателя, буду изъясняться понятными нам категориями. На музыкальном факультете следующие отделения:

фортепианное;

оркестровое: струнные, медные и деревянные духовые, ударные (почему-то специальность называется *Percussion and Timpani*), дирижирование. Три оркестра: симфонический, камерный, духовой;

вокальное: хор, камерное пение, опера;

композиторское;

отделение подготовки учителей музыки. К месту вспомнить, что у шотландцев преподавание музыки в общеобразовательных школах поставлено весьма серьезно, включает слушание музыки с ориентацией на слуховой анализ исторических стилей, жанров и выразительных средств, обязательную игру на нескольких инструментах и даже основы композиции. Не имеет смысла затевать здесь разговор на тему, весьма болезненную для российской системы музыкального просвещения, а именно – почему у нас учителей музыки готовят не консерватории, а педагогические вузы, где по определению не могут дать полноценное музыкальное образование. Но умолчать о позитивном зарубежном опыте решительно невозможно.

Музыковедческого отделения нет (как и в других западных странах, будущие историки и теоретики музыки получают образование в университете), соответствующие дисциплины ведутся для всех специальностей, но главным образом для композиторов.

Насколько я понял, большинство педагогов являются «совместителями». Педагогов, работающих только в вузе, очень мало, но загружены они, что называется, под завязку (около 30 часов в неделю); при необходимости, могут отозвать из отпуска, вызвать в академию в любое время. То, что не так давно составляло большую проблему для отечественных профессоров и доцентов, у них является нормой и всячески поощряется: преподаватель вуза должен быть видным действующим музыкантом. Тем самым, убиваются два зайца: Учитель является непререкаемым профессиональным авторитетом и обеспечивает достижение стратегической цели обучения – включение студента в концертно-театральную практику.

Задержусь на отделении традиционной музыки (исконно английское и ставшее интернациональным слово *folklore* не употребляется): сольное и ансамблевое пение и инструментальное исполнительство (волынка, скрипка, арфа), танец. Обучаются примерно по 15 человек на курсе. Вообще в стране отношение к фольклору трепетное и любовное. Сужу об этом и по встречам в академии, и по двум культурным акциям, где был слушателем-зрителем, и по тому не всегда легко объяснимому словами, но хорошо ощущаемому, что зовется *духовным климатом места*. На дневном воскресном концерте оркестров волынщиков (оркестров самодеятельных, состоящих из полицейских,

пожарных, служащих, но великолепно одетых и превосходно сыгранных) все 2500 мест в главном зале города были заняты. Как раз в дни моего пребывания на родине Роберта Бернса отмечалось 250-летие со дня его рождения. Пик торжеств являл собой, как бы мы сказали, театрализованный фольклорный праздник – на центральной городской площади Джордж-сквер. Тысячи собравшихся представляли все возрастные и социальные группы: молодые семьи с маленькими детьми, интеллигентные пары средних лет, стайки тинэйджеров, старики совершенно крестьянского вида. Не говорю уже о том, с каким неподдельным вдохновением распевали и отплясывали на сцене – тоже почти исключительно самодеятельные артисты, но многие вокруг с горящими глазами подпевали исполнявшимся народным песням на стихи великого барда, пританцовывали и отбивали ритм ладонями! Понятное дело, что время от времени срывался дождь, на который никто не обращал внимания в течение всех трехчасового действия, сопровождавшегося видео-проекцией на фасад здания городского совета и завершившийся грандиозным фейерверком. Затем участники и приглашенные проследовали в это здание на фуршет – без какого бы то ни было досмотра, предъявления паспортов, пригласительных билетов (их и не было) и прочих прелестей, сопутствующих проникновению в государственные учреждения на родине Пушкина.

Ясно, что в таком обществе специалист в области народного творчества востребован и уважаем. Академия готовит профессионала широкого профиля, воспитывая в нем также просветителя, умеющего рассказать об истории народа и его искусства, разбирающегося в менеджменте, бизнесе, продюсировании, обладающего навыками звукорежиссера. Студенты ездят в фольклорные экспедиции, предпочтение отдается островам, где материал лучше сохранился, обязательно гастролируют. В магистратуре, куда идут уже немногие, на пятом курсе, осуществляются исследовательские проекты. Примечательно, как шотландские коллеги формулируют цель фольклористской деятельности: адаптировать народное искусство к современному миру.

Поскольку оперный «акцент» наших совместных действий предопределил круг общения, я успел немного лучше вникнуть в то, как учатся вокалисты и оркестранты. Оркестранты заняты, в основном, оркестром. Аудиторные занятия – около 15 часов в неделю, остальное время – ежедневные многочасовые репетиции. Бывают периоды, когда они живут в рабочем ритме активного профессионально коллектива: неделя репетиций, два концерта с выученной программой, с понедельника – новый цикл. Во время ознакомительной экскурсии по академии я со своими чичероне заглянул на занятие оркестра. За пультом стояла девушка-азиатка, духовые группы были представлены полностью, а струнные – по одному пульту. Очевидно, струнников меньше, и их «экономят»; духовикам же, напротив, необходима учебно-производственная «ротация». В те же дни я посетил концерт камерного оркестра, где мои предположения подтвердились: во всех трех исполнявшихся произведениях личный состав струнной группы оставался неизменным, тогда как духовики мигрировали: одни уходили, другие приходили; в общей сложности их набиралось примерно два с половиной состава. Не мог не обратить внимания и на «гендерный аспект»: девушек большинство; в частности, фаготы и трубы – в руках представительниц прекрасного пола.

Камерный оркестр – «элита», туда берут лучших студентов. Впрочем, название «камерный» более чем условно. Видимо, к его постоянному контингенту добавляют оркестрантов по мере необходимости и в соответствии с избранным репертуаром. Слышанную мною концертную программу составляли увертюра Мендельсона «Рюи Блаз» (парный состав деревянных, но 4 валторны и 3 тромбона), Второй кларнетовый концерт Вебера (обычный парный состав, без кларнетов) и «Неоконченная» Шуберта (3 тромбона) – какой уж тут «камерный»...

Духовики у них традиционно сильнее, этот факт признается и российскими музыкантами. Почва, на которой они произрастают, – духовые оркестры в каждой общеобразовательной школе, часто – не по одному. Солист-кларнетист К. Робертсон,

студент второго курса – не побоюсь сказать – потряс и техникой, и выразительностью исполнения. Но и струнники, по крайней мере, те, кого я слышал, на высоте. В трех серьезных партитурах я не только не услышал ни одной фальшивой ноты – игра была стильной и очень эмоциональной, с влюбленностью в каждую ноту. Попутно – о дирижерах. Руководитель коллектива Д. Данцмайер, за пультом в тот вечер стоял А. де Палма Гарридо. Обоим до тридцати. Д. Данцмайер родился под Зальцбургом, получил образование в Моцартеуме и Сибелиус-академии, где учился не только дирижированию, но и игре на фортепиано; сейчас – ассистент дирижера Королевского Шотландского национального оркестра, выступает в Австрии, Германии, США. А. де Палма Гарридо оканчивает RSAMD, одновременно являясь дирижером Молодежного оркестра в Малаге (Испания), дирижировал в Мадриде, Молдавии, Румынии; сочиняет музыку; играл в оркестрах как ударник, давал концерты как пианист.

Все это – фирменные знаки образовательной системы: с молодых лет – большой практический опыт, притом опыт международный; к моменту окончания учебы – полная готовность к самостоятельной работе; универсализм (почти никто не ограничивается своей узкой специальностью). И еще: к обучению и «производственной практике» обязательно подключены крупные национальные коллективы – оркестры и театры.

Побывав на генеральной репетиции и спектакле «Любовь к трем апельсинам», пообщавшись с музыкантами и администраторами, более или менее представляешь себе модель возвращения артиста. Вся вокальная труппа, хор, миманс – студенты; режиссер, дирижер, сценограф – известные, опытные мастера. Оркестр – Королевского театра (на сцене которого и шли спектакли в Глазго), но каждая группа инструментов приняла в свои ряды студентов, отобранных в академии по конкурсу. Все службы обеспечения были также представлены студентами под руководством начальников цехов театра. Театр же предоставил трейлеры для транспортировки декораций в Эдинбург, печать билетов, самих билетеров и кассиров.

Чем их вокалисты отличаются от наших? Не говорю сейчас о таланте, о природных данных – они у всех разные. Говорю о выучке. На младших курсах студенты обязательно поют в хоре, в том числе, в оперных постановках – надо ли специально доказывать, как это важно для развития слуха, расширения кругозора! Вспоминаю, как премьер-тенор Ростовского музыкального театра Александр Лейченко, который в юности учился как гитарист а потом работал в разных хорах, говорил, насколько легче петь с партнершами, получившими ранее дирижерско-хоровое образование. Ансамблевый, гармонический, то есть не «однострочный» слух – кажется, его ощущаешь, сидя в зале. Похоже, что и для певцов владение другими музыкальными навыками – скорее, норма, чем исключение; нередко вокальное образование – второе. Среди исполнителей «Любви к трем апельсинам», с чьими биографиями я познакомился, одни владеют органом, другие – фортепиано, третьи успели поработать в профессиональных хорах и имеют хормейстерские навыки.

Жанрово-стилевой диапазон осваиваемого репертуара также заслуживает внимания. Поют не только Моцарта и Бизе, но «Фиделию» Бетховена, позднего Пуччини, Дебюсси, Пуленка, Р. Штрауса, конечно же, Бриттена, сольные партии в кантатно-ораториальных произведениях. Разносторонность – залог мобильности: быстрее и более самостоятельно учат партии, интонационные трудности преодолевают свободнее; по-видимому, никто им не говорит, что такая-то партия в современной опере повредит голосу, а подобное нередко изрекается в родных пенатах.

Основной показатель работы вокалистов – педагогов, студентов, концертмейстеров – оперные постановки. Но не только. Мне довелось побывать на одном из концертов и его репетиции. Я прикоснулся, таким образом, только к краешку отлаженной до мелочей системы. Но и этого достаточно, чтобы получить о ней определенное представление. Как говорится, чтобы почувствовать вкус морской воды, необязательно выпить море.

Вечер проходил в рамках «Celtic-Cossack Connections». Состав исполнителей – интернациональный: двое из России, двое из Армении (Ереванская консерватория тоже подключается к проекту), шотландец: сопрано, два тенора, бас. Программа была выбрана преимущественно русская: Глинка, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов, а также один из немногих, если не единственный образец камерно-вокального сочинения зарубежного композитора, написанного на оригинальные русские тексты – вокальный цикл Бриттена на стихи Пушкина «Эхо поэта» (так называлась и вся программа). Конечно, основная часть программы была подготовлена заранее. На репетиции оговаривалась заключительная и, безусловно, «гвоздевая» ее часть – народные песни: армянские и шотландские, исполнявшиеся представителями соответствующих народов, и русские, которые пели всем квинтетом. Я видел и слышал, как, впервые встретившись, певцы и концертмейстер приспособивались друг к другу, искали удобные тональности, сообразовывали вступления голосов; пианист, схватив лист нотной бумаги, тут же набросал какой-то инструментальный ригурнель... Через два дня все звучало так, как будто перед нами слаженный коллектив, давно выступающий вместе. Это и есть профессионализм: готовность и умение решить творческую задачу быстро и на достойном уровне.

Воздух, что ли, в академии пропитан этим благотворным духом?..

Кроме того, вечер был тонко и как бы незаметно срежиссирован, молодые певцы по-оперному артистичны: Юрий Алехин – ростовчанин, настоящий русский бас, крупный, рыжебородый; Мария Козлова – выпускница Петербургской консерватории (дирижерско-хоровой факультет), сейчас в магистратуре RSAMD; Ануш Ованесян, самая молодая из всех, 23-летняя (не могу не упомянуть: училась играть на скрипке и альте); Перч Карамян, уже вполне состоявшийся певец, дававший концерты и выступавший в операх во многих странах; Джон Памфри – сильный лирический тенор, в совершенстве владеющий русским языком, наделенный неотразимым обаянием.

К вокалистам мы еще вернемся, а сейчас – еще о некоторых структурных элементах академии и их функциях. Соединительным звеном между «музыкой» и «драмой» выступает производственно-техническое отделение, которое работает с обеими школами. Оно не просто готовит специалистов в этой сфере (декораторы, костюмеры, осветители, звукооператоры и т. п.), но и на деле осуществляет драматические и музыкально-театральные постановки. Полноценный спектакль от самого начала до полной готовности «под ключ» академия может выпустить, опираясь только на собственные силы.

Учатся здесь и будущие мастера цифрового аудио-, кино- и телепроизводства. Об их деятельности я никого специально не расспрашивал, она видна всякому внимательному наблюдателю. В огромном кафе, куда попадаешь, едва поднявшись с улицы, которое служит также местом встреч (половина моих переговоров проходила именно там), и где бывает «вся академия», где у окна во всю стену имеется специально оборудованная стойка для подключения ноутбуков, а в углу расположена конторка ресепшена, за которой вы не встретите недобрых бабушек и хмурых охранников – только улыбчивых юношей и девушек, готовых вам помочь, чем только смогут, в этом кафе установлен большой монитор. Уже на следующее утро после премьеры «Апельсинов» на нем в режиме слайд-шоу демонстрировались около полусотни высококачественных фотографий. Неподдалеку стоит другой монитор с «прямой трансляцией» из большого зала. Камера включена целый день, даже тогда, когда там ничего не происходит, но если происходит, вы можете смотреть концерты и репетиции. Материал записывается, и желающие имеют возможность взять потом запись для домашнего изучения. По предварительной заявке организуется запись даже самостоятельных занятий.

Слышал от людей, побывавших в RSAMD ранее, что у них так называемый вспомогательный персонал не уступает по численности профессорско-преподавательскому. Может быть, это и преувеличение, но штат, действительно,

немаленький. Речь не о библиотеке, деканате, бухгалтерии и прочем, нам хорошо знакомом, а о службах, которые в наших вузах практически отсутствуют: отдел развития, PR, паблисити и тому подобные. К примеру, существует группа сотрудников, занятых исключительно составлением заявок на разного рода гранты. Большая команда трудится над изданием множества с фантазией и вкусом сделанных буклетов, а также программ к каждому концерту.

Две такие программки храню. Никаких изысков верстки и дизайна: формат А4, без иллюстраций, но внушительного объема (8 и 12 страниц) и исчерпывающие по полноте информации. Слушателю симфонического концерта к каждому исполняемому произведению предлагались аннотации, *написанные дирижером и солистом*, творческие биографии героев вечера, поименный состав оркестра, который, как я уже говорил, не оставался неизменным, а также анонсы ближайших событий и другая полезная информация. Программа вокального вечера содержала: фамилии, имена и отчества (!) композиторов и поэтов, биографические сведения о солистах и концертмейстерах. Но самое замечательное – названия и полные тексты романсов в двух вариантах, данных параллельно, в двух колонках – по-русски в латинской транслитерации и в английском переводе. Скажем, слева: *Vchera my vstretilis': ona ostanovilas'*, справа: *Yesterday we met: she halted*. Или: *Ujmites', volnenija strasti! – Be stopped, restlessness of passion!*

Раздаются программки бесплатно, и абсолютное большинство слушателей постоянно в них заглядывает.

Ростов и РГК

Однако пора сказать хотя бы несколько слов о том, что происходит на берегах другой реки – Дона, связанном мостом проекта с берегами Клайда. Столица Юга России, Ростов обладает развитой, полной музыкальной инфраструктурой: театр, филармония, консерватория. За истекшие 10-15 лет статус города в неписаной музыкально-культурной иерархии резко повысился. Мощными локомотивами выступили сначала консерватория, а потом и вновь открытый музыкальный театр. Напомню, Ростовский театр, как и Шотландская опера, – полноправные участники проекта.

Созданный в 1999 году как своего рода правопреемник Театра музыкальной комедии (и вобравший ее в себя), Ростовский государственный музыкальный театр резко набрал высоту, вырвался в число наиболее заметных коллективов в стране, благодаря великолепному зданию, ставшим одним из визуальных символов города, суперсовременному техническому оснащению, стильным, дорогим постановкам. Благодаря энергичной кадровой политике, направленной на формирование труппы, привлечение к сотрудничеству лучших российских и ряда зарубежных режиссеров, дирижеров, художников, начавшимся с первых лет существования успешным гастролям во многих странах мира. Стал обладателем премии «Золотая маска». Театр любим горожанами, билеты расхватываются задолго до спектакля, ходить туда стало престижным для разных слоев населения. Могучий и красивый корабль (архитектурные очертания постройки сравнивают не только с поднятой крышкой белого рояля, но и с парусом) направляет твердая рука капитана – художественного руководителя и генерального директора Вячеслава Кущева, выпускника консерватории, имеющего богатейший административный опыт и опыт работы в бизнесе. В конце 2007 года он избран депутатом Государственной Думы пятого созыва, вошел в комитет по культуре, является председателем подкомитета по экономике и инновациям в сфере профессионального искусства и интеллектуальной деятельности. Сразу после избрания он передал полномочия генерального директора своему заместителю И. Б. Григорьевой, оставив за собой должность художественного руководителя.

Ростовская консерватория на протяжении своей более чем 40-летней истории динамично развивается, при этом особенно плодотворными стали последние 20 лет, когда она приобрела репутацию одного из ведущих музыкальных вузов страны. Подтверждается

она широким спектром достижений, касающихся профессорско-преподавательского состава, студентов, бурной творческой жизни. В 1998 году Ростовская консерватория стала лауреатом конкурса среди провинциальных учреждений культуры на соискание премии газеты «Культура» «Окно в Россию» по номинации «Институт искусств года». Являясь, с одной стороны, горячим патриотом консерватории, а с другой – человеком достаточно осведомленным, могу славить ее долго и со многими подробностями. Наступая на горло собственной оде, ограничусь только некоторыми цифрами и фактами, которые покажут, что у RSAMD достойный партнер.

В Ростовской консерватории реализуются все существующие в России образовательные программы в области музыкального искусства. В ее структуре, помимо собственно высшей школы, существует ССМШ для одаренных детей, аспирантура, центр дополнительного профессионального образования. Ростов навсегда вошел в историю как пионер профессиональной подготовки джазовых музыкантов. Недавно открыто обучение новым специальностям: музыкальная звукорежиссура, музыкальный менеджмент, эстрадно-джазовое пение.

Среди педагогов доля профессоров и доцентов, докторов и кандидатов наук, обладателей почетных званий приближается к 90% – это один из лучших показателей среди всех российских консерваторий, включая столичные. Авторитет педагогов – композиторов, исполнителей всех специальностей, музыковедов признан далеко за пределами Ростова. Сотни студентов – лауреаты международных и всероссийских конкурсов. У пианистов выделяется плеяда воспитанников выдающегося педагога – заслуженного деятеля искусств России, профессора С. И. Осипенко. 2007 год принес сенсационную победу А. Винницкой на одном из самых трудных и самых престижных международных конкурсов – имени королевы Елизаветы в Брюсселе. За более чем полувековую историю конкурса победу в нем одержали всего пять пианистов из СССР, при этом все они были москвичами, а последний раз высшая награда вручалась нашему соотечественнику более 30 лет назад. Занесения в книгу рекордов Гиннеса достоин А. Яковлев, который к 27 годам является лауреатом 40 международных состязаний.

С открытием музыкального театра оживилась деятельность кафедры сольного пения: повысился конкурс, многие еще на студенческой скамье начинают успешную карьеру на сценических подмостках, оперная труппа театра в преобладающей части укомплектована питомцами консерватории. В череде ярких успехов воспитанников ростовской вокальной школы – лауреатские звания А. Маркаровой, К. Чепурновой, В. Ястребовой на конкурсах Е. Образцовой и им. Н. А. Римского-Корсакова в Петербурге, победа Х. Бадаляна на международном конкурсе теноров памяти Л. Паваротти.

Ростовская консерватория стала первым нестоличным музыкальным вузом России, где начал работу Диссертационный совет (1994). С 2007 года он имеет право принимать защиты не только кандидатских, но и докторских диссертаций.

Ежегодно осуществляются крупные концертные и научно-исследовательские проекты. Уже традиционным стало проведение международных, всероссийских фестивалей и параллельно – научных конференций, посвященных общей теме. Подлинным творческим завоеванием консерватории, ее своеобразной визитной карточкой стал регулярно проводимый международный фестиваль современной музыки «Ростовские премьеры», в котором участвуют крупнейшие композиторы наших дней. В их числе К. Пендерецкий, Г. Канчели, В. Сильвестров, большая группа российских мастеров – М. Броннер, В. Екимовский, Ю. Каспаров, Е. Подгайц, В. Тарнопольский, Т. Шахиди...

По объему ежегодно выпускаемых научных изданий Ростовская консерватория вышла на уровень столичных музыкальных вузов.

Кредо ректора А. Данилова: чтобы не впасть в стагнацию, необходимо постоянно придумывать что-то новое, что побуждает коллектив не почивать на лаврах, а вуз в целом – выступать неизменным ньюсмейкером, то есть привлекать устойчивый интерес музыкальной общественности города, региона, страны.

Суть и цель проекта: интерес – взаимный

Понято, что таким «высоким договорившимся сторонам» есть, чему поучиться друг у друга (эту мысль дословно не раз оглашали представители обоих вузов), есть, что предложить музыкально-театральной общественности своих стран.

Целей, собственно, несколько: взаимное обогащение двух вузов; оживление концертно-театральной жизни своих регионов; активизация интереса школьников к культуре другой страны. Некоторые его составные части более или менее традиционны: обмен студентами и педагогами, мастер-классы, творческие встречи и т. п., что помогает вузам-партнерам лучше узнать друг друга. В 2007, в дни празднования 40-летия Ростовской консерватории пятеро студентов-духовиков из Глазго в составе симфонического оркестра консерватории приняли участие в «русской» программе (увертюра к «Руслану» Глинки, «Колокола» Рахманинова, Третий фортепианный концерт Прокофьева), а двое солистов, певица и трубоч, – в заключительном гала-концерте.

Потом в Глазго для репетиций и спектаклей по «Евгению Онегину» отправились Е. Долгополова (Няня) и Г. Григорян (Гремин). Опера шла по-русски, так что студенты из Ростова выступили еще и в качестве консультантов по орфоэпии. В Шотландии исполняется мало опер на русском языке, почти неизвестны особенности русского вокала и постановочные традиции. В «Апельсинах» одну из главных партий – Короля – пел Ю. Алехин. Затем настала очередь отправки в RSAMD большой делегации – двух певиц и четырех струнниц, которые несколько недель репетировали вместе с шотландцами «Ариадну» Р. Штрауса и «Федру» Бриттена, с тем чтобы при их подготовке и исполнении в России вести за собой остальных ростовских участников. В Шотландии оперы с успехом шли на сценах Глазго и Эдинбурга, две последние были представлены и в России – в Ростове и Таганроге. Студенты двух стран получают возможность соприкоснуться с репертуаром не только традиционным, но и незнакомым для обеих сторон или одной из них, а также с произведениями, постановка которых была бы невозможна силами лишь одного вуза.

В 2010 планируется совместная постановка «Войны и мира» Прокофьева – в ранней редакции, которая никогда не ставилась. Безусловно, совместная постановка спектаклей – самая значительная и оригинальная часть проекта.

Но – «не оперой единой...» Шотландских коллег, в частности, особо интересует, как ведется воспитание талантливых детей в колледже при РГК, ибо подобный институт у них, как и в Европе, не существует. Есть у них так называемая Юношеская академия – что-то вроде «субботней школы» для детей и молодежи от 8 до 18 лет. Когда речь заходит о нашей средней специальной музыкальной школе, они говорят: «Счастливые...». С большим вниманием относятся они и к системе джазового образования в Ростове, где созданы первые в СССР соответствующие отделения в среднем и высшем учебном заведении, а позднее – специализированная детская школа. Шотландцы признают свое отставание в этой сфере: в RSAMD джазовое отделение открылось только в 2009 году (в России – в Ростове – в 1982, в США – в 1945). Еще одна немаловажная грань проекта – образовательная, рассчитанная на просветительскую работу обоих вузов-участников в обычных школах.

Проект подобен живому организму – растущему, развивающемуся. К нему присоединились представители Ереванской консерватории, которые уже выступали в совместных спектаклях и концертах в России и Шотландии. Участие армянских музыкантов вписывается и в двухсторонний договор о сотрудничестве, заключенный между Ростовской и Ереванской консерваториями.

Позаимствовав идею у Шотландской оперы, которая реализует проект «5 по 15» (создание композиторами на специально написанные либретто маленьких, условно – 15-минутных опер с их последующей постановкой, пять в один вечер), RSAMD организовала аналогичную программу для молодых авторов и обратилась с соответствующим

предложением к ростовским композиторам. Впереди также тесное сотрудничество джазменов, музыкантов, специализирующихся на фольклоре, духовиков и струнников.

Именно масштабность, оригинальность и многосоставность проекта позволили ему обойти более 300 конкурентов и войти в девятку счастливых обладателей гранта Еврокомиссии.

Какую пользу извлекают – каждый для себя – участники?

Ростовские студенты, выезжая на несколько недель в Глазго для спевков и спектаклей, приобретают бесценный опыт – познают репертуар, расширяют культурный кругозор, знакомятся с иной профессиональной школой, организацией репетиционного процесса, совершенствуют разговорный английский. Тем самым, они совершают первый и потому особенно важный шаг на пути интеграции в мировое музыкально-образовательное и концертно-театральное пространство, к успешной артистической карьере. Жить в одной стране, учиться во второй и третьей, работать в четвертой и пятой, то есть там, где интересно, и не испытывать при этом стресса – это нормально для всего мира, но все еще непривычно для нашей страны, где далеко не изжиты последствия культурной изоляции. В RSAMD десятки студентов из разных стран и частей света. Так, в числе пятерых молодых певцов из Глазго, приехавших в Ростов в апреле, были ирландец и бразилец, а в «Апельсинах» немало приехавших учиться из Кореи. Шотландская академия сотрудничает со многими музыкальными вузами мира, есть опыт совместного с Берлинским художественным университетом исполнения ораторий в обеих странах.

Шотландским партнерам тоже невероятно интересны и полезны такие творческие контакты: знакомство с *иным* обогащает по определению. Особенно, если это иное самобытно и высококачественно. Кроме того, они постоянно подчеркивают, что наши страны связаны тесными культурными узами, которые делятся более трех веков, и видят в реализуемом проекте свой собственный вклад в «большое» российско-шотландское сотрудничество. Тем более – сегодня, когда, как сказал ректор RSAMD, известный трубач, профессор Джон Уоллес, «политика, дипломатия и, как это происходит сейчас, экономика, – терпят неудачу, диалог национальных культур становится самым мощным средством в укреплении международных связей». Многоуважаемый коллега ссылается не только на современный финансовый кризис, но намекает – имеющий уши да услышит – и на прошедший для широкой общественности незамеченным инцидент между Москвой и Лондоном в связи с деятельностью Британского Совета, вызвавшего резкое недовольство российских властей.

Проект важен для RSAMD и по другой причине. Как и РГК, будучи вузом очень сильным, она остается вузом, изъясняясь по-нашему, периферийным. То есть – заведомо уступающим высшим музыкальным школам более крупных городов: Лондона, Манчестера, Бирмингема. Они широко известны в мире, однако *такого* проекта у них нет. Но, как известно, если у тебя нет возможности стать самым лучшим, – выделись на фоне лучших, сделав то, чего они не делали. Такая позиция, как явствует из сказанного выше, чрезвычайно близка и А. Данилову, который неустанно стимулирует коллектив совершать эксклюзивные творческие акции.

Персоны

Говоря об участниках проекта, следует подчеркнуть, что это – не только державы, города и учреждения, это едва ли не в первую очередь персоны, незаурядные творческие личности.

Александр Данилов – народный артист России, ректор РГК, выведший консерваторию на лидирующие позиции в стране. Выдающийся исполнитель на балалайке, объездивший с гастролями едва ли не весь Советский Союз и десятки стран мира. Педагог, из класса которого вышли балалаечники и гитаристы, ставшие лауреатами 25 международных и всероссийских конкурсов. Руководя вузом более 20 лет, то есть половину срока его существования, он проходил процедуру переизбрания еще четыре

раза, и на последних по времени выборах (2007) был избран тайным голосованием единогласно. Его музыкантский авторитет в вузе очень высок, он безошибочно чувствует, что есть в музыке хорошо, а что – плохо. Обладает взыскательным вкусом, который проявляется в одежде, в консерваторских интерьерах, в суждениях об искусстве. При этом он – человек, которому ведомы сомнения (без чего тоже не обойтись – что в творчестве, что в административной работе), с кем можно спорить и отстаивать собственную точку зрения.

Виталий Ходош – координатор проекта, заслуженный деятель искусств России, талантливый композитор, декан, великолепно знающий артистические силы. Автор произведений в разных жанрах, востребованных в разных уголках страны и за рубежом, он прекрасно разбирается в деталях исполнительского искусства – в тонкостях вокала, хорового и оркестрового музицирования. Что немаловажно в такой затее, как этот проект, где заняты множество людей и где неизбежен конфликт творческих интересов и амбиций, – наделен даром дипломата. Иными словами, способен согласовать, утрясти, сообразовать, найти разумный компромисс.

Рита МакАлустер – арт-директор проекта, музыковед с докторской степенью, композитор, училась также игре на фортепиано и скрипке. Лауреат первой премии на конкурсе BBC «Молодые композиторы Шотландии» (1966). В конце 1960-х годов провела три года в Кембриджском университете, изучая оперы Прокофьева, интенсивно работала над темой в архивах Москвы и Петербурга, консультировалась у И. Нестьева и М. Сабининой. Обнаружила, описала и доокресторвала упомянутую выше раннюю редакцию «Войны и мира». В 70–80-е выступала и публиковалась по проблемам советской и российской музыки. В университете Эдинбурга преподавала композицию, историю музыки XX века и анализ, основала электронные и звукозаписывающие студии. В 1986–2006 занимала руководящие должности в RSAMD (когда и познакомилась с А. Даниловым), в международных музыкальных и образовательных организациях Соединенного Королевства.

Кристофер Андервуд – певец, который равно владеет как камерно-концертным, так и оперным репертуаром баритона и бас-баритона. В Королевском Северном колледже музыки он был помощником главы оперного отделения на протяжении восьми лет. С 1994 возглавляет вокальную студию RSAMD, разработал ее учебный план. За эти годы студия получила широкое мировое признание, что подтверждается появлением ее выпускников на сценах крупнейших европейских театров. Среди его воспитанников немало выдающихся молодых певцов. Лауреат международного конкурса вокалистов в Париже, а также обладатель золотой премии «Бенсон энд Хеджес» в Олдборо. Дал ряд концертов во Франции, Германии, Австралии и Италии, исполнял большое количество малоизвестных произведений на крупных фестивалях, во многих больших концертных залах Британии. Исполнил также много ролей в оперных постановках, в частности в операх Моцарта, в нескольких барочных и современных операх. В последние годы он был востребован в сольных концертах не только французского репертуара, что является его специализацией, но и в исполнении песенных циклов Шуберта, Шумана, Вольфа. Давал мастер-классы в Ростовской консерватории.

Тимоти Дин – симфонический и хоровой дирижер, пианист-концертмейстер. Выражаясь по-нашему, – зав. кафедрой оперной подготовки RSAMD (с 1994). Получил музыкальное образование в университете г. Рединга, а затем окончил Королевский колледж музыки по классам фортепиано и дирижирования. 10 лет проработал хормейстером и музыкальным руководителем оперного театра графства Кент, освоив огромный репертуар и гастролируя по Соединенному Королевству и за границей. Был музыкальным руководителем и хормейстером оперных театров, дирижером Лондонского Баховского общества, работал с крупнейшими оркестрами Шотландии, ныне дирижирует более чем 25-ю спектаклями и многими концертами. Недавно возглавил хор Королевского Шотландского национального оркестра. При подготовке любой оперной постановки в

академии – «бог, царь и воинский начальник»; педагоги по вокалу всех занятых в спектакле студентов сидят на репетициях с блокнотами в руках, записывают его замечания.

«Апельсины» из Шотландии

Спектакль этот – прекрасный образец того, как можно осуществить постановку неожиданную, свежую, смело обновляющую сценический облик шедевра, будучи при этом ведомым не режиссерским произволом, а исключительно партитурой и культурным контекстом, в котором она создавалась. И при этом, что тоже существенно, постановку малобюджетную. Режиссеру Ли Блэкли на вид лет 35, он выпускник RSAMD и университета в Глазго, где учился режиссуре, актерскому мастерству и получил классическое вокальное образование. Он ставит спектакли в театрах Британии, Америки, Европы, Азии, дебютировал оперой XX века («Сказка о бродячем школяре» Г. Холста), ставил «Поворот винта» Бриттена и другие современные произведения. Склонен к неизведанному: руководил экспериментальными постановками, осуществил мировую премьеру балета-кантаты Генделя «Хлоя, Тирсис и Филен», режиссировал Кавалли и Оффенбаха.

В работе над «Апельсинами» отправным моментом для него послужило то обстоятельство, что это – русская опера на сюжет итальянской сказки, премьера которой состоялась в Америке на французском языке (по-французски пели и в Шотландии, английские титры транслировались на мониторы). Поликультурность – один из ключей к пониманию спектакля. Выражено это, прежде всего, в трактовке персонажей пролога. Каждая группа – представители той или иной нации. «Мы использовали британские стереотипные представления о стереотипах», говорит Блэкли, но, скорее всего, он воплотил некие общераспространенные клишированные мифологемы (художник по костюмам Эмма Ви, которая не впервые работает в паре с Блэкли): Трагики – «русские» – одеты в меховые шапки и теплые пальто. В Комиках – килты и свитера – зрители-шотландцы узнают себя. Лирики, в беретах и дождевиках – французы. Пустоголовые наряжены в рубашки кричащих расцветок и шорты, символизирующие американцев (никакой политкорректности!). Чудаки стоят вне «стереотипных представлений о стереотипах», подобно тому, как лишены стереотипности их воззрения, в отличие от других четырех групп. Но и их внешний облик содержит намек – на актеров квартета «Маркс Бразерс», прославившегося в американском комедийном кино 30-х годов и высоко ценимого Дали, Сартром, Ионеско, Набоковым. Знатоки вспомнят, что за каждым из братьев было закреплено определенное амплуа: один воплощал грубоватый народный юмор, другой – искусство пантомимы, третий – интеллектуальный абсурд, четвертый – романтическую комедию; легко заметить, все эти грани искусства отвечают составным элементам оперы и спектакля.

Ставить сегодня «Апельсины» впрямую, «по тексту», в манере, которую Георгий Исаакян хлестко припечатал определением «нулевой вариант», – немислимо. Немислимо уже хотя бы потому, что сатирические стрелы сказки Гоцци направлены на давно исчезнувшие и всеми забытые цели. Суть полемики с Гольдони, осмеяние мартеллианских стихов и т. п. вряд ли были понятны даже современникам Прокофьева, а сейчас – и подавно. Но есть категории «вечные», то есть готовые наполняться живым смыслом в каждую эпоху: общечеловеческое содержание любого классического сюжета, жанр, символика художественного мышления. Масочная природа *commedia dell'arte* – образы-типажи, дух импровизационности, способность адаптироваться к новой публике – сохранены, прокофьевские «смесь сказки, шутки сатиры», бурлящая театральность, условность, эксцентрика – тоже. Пародия на оперные штампы не занимает режиссера (кажется, ламентации по поводу смерти оперы временно прекратились), но сама идея дерзкого диалога с искусством – присутствует. Искусства, в основном, изобразительного,

но ведь это – по большому, по главному счету – отвечает эстетике «Апельсинов», оперы, которая, по мысли композитора, должна давать обильную пищу для глаз!

Населяют спектакль персонажи-маски, только другие, не из итальянской комедии. Причем маски не только в переносном смысле, но и самом прямом, понимаемом как специальная накладка на лицо. Таковы, к примеру, Чертенята – в каких-то черных чулках, делающих лица невидимыми, но при этом в строгих офисных костюмах, белых сорочках с галстуками и котелках. Они словно сошли с полотен сюрреалиста Рене Магритта, не раз изображавшего подобных персонажей как образ победившей безликости. Метафора эта продолжена и развита в сцене «поединка» Фаты Морганы и Мага Челия. Никаких карт: они оба – живописцы, в руках у них подрамниками с натянутыми холстами. Кто кого «перерисует»! По мере того, как Челий раз за разом проигрывает, развешанные на стенах дворца портреты Короля, Принца и их союзников, выполненные в изысканной и экспрессивной манере Густава Климта, заменяются изображениями а la Магритт: стандартизация равносильна смерти. Потерпев поражение, Челий в отчаянии машет кистью перед холстом (теперь холст большой и установлен лицом к зрителю), что напоминает технику американского абстракциониста Джексона Поллака, который создавал свои работы, разбрызгивая краски по холсту (появление этих «брызг» – снайперски меткая работа художника по свету Джона Кларка).

Вообще визуальных цитат в спектакле множество, около 20! И все они отсылают наше воображение к «левому» искусству, преимущественно 1920-х годов, ко времени написания оперы и ее премьеры. Так, Фата Моргана – роковая брюнетка с красивым, сердитым лицом – падает не в фонтан (кого это может рассмешить?), а в громадный писсуар. Так ведь это нам шлет привет г-н Марсель Дюшан, которого современные концептуалисты считают своим «отцом», и который известен не только эпатажной «Джокондой» с бородой и усами, но и тем, что еще в 1917 году на выставке в Нью-Йорке демонстрировал писсуар, назвав его «фонтаном». Королю, по признанию режиссера, придано внешнее сходство с королем Эдуардом VII, который одет в деревенском стиле, в простую клетчатую рубашку и пуловер с разноцветными ромбами. Тут работает каламбур, понятный только британскому зрителю: Король Треф по-английски – *King of Clubs*, дословно – король клубов, клуб же вызывает ассоциации с игрой в гольф. «Мы сами очень смеялись, когда, готовя постановку, решили использовать эту игру слов», – рассказывает режиссер. Отсюда сумка с клюшками, которые постоянно таскает за собой Панталон, и их изображение на его жилетке и на клубном пиджаке Принца.

Едва ли не самая главная из визуальных цитат связана со сквозным образом постановки. Он встречается слушателей уже на афише, повторяется в программе спектакля и на маленькой листовке – флаере. Это... консервная банка, уже издали похожая на томатный суп «Кэмпбелл», который прославил на весь мир король поп-арта Энди Уорхолл (а Фарфарелло чем-то похож и на него самого, и на какого-то манерно-капризного рок-идола). На нашей банке значится, естественно, не *Campbell's TOMATO SOUP*, а *Morgan's ORANGE SOUP* – то есть апельсиновый супчик от Морганы! Словом, ее заклятие, и в оригинале чудовищное по своей абсурдности («Влюбись в три апельсина!») превращается в магическую установку искать то, что олицетворяет массовое потребление, то, что есть везде! Правда, из этих банок (которые, как и положено, по ходу действия увеличиваются в размерах), принцессы выходят самые настоящие, и любовь к Нинетте вспыхивает – подлинная. Имел ли это в виду режиссер, не знаю, но можно отсюда вычитать и такую мысль: из третируемой пуристами массовой культуры может «вылупиться» нечто значительное.

Скорее всего, какие-то из этих диалогов с художественными артефактами не будут расшифрованы зрителями, но, как и всякий хороший спектакль, шотландские «Апельсины» многослойны. Большинство пришедших в зал не могут не откликнуться на вневременной пафос оперы, этой «Волшебной флейты» и «Руслана» XX века. Пусть в буффонном, остро гротесковом освещении, здесь во весь голос звучит тема

странствования за счастьем, испытаний во имя любви. Спектакль говорит о пагубности апатии, нежелания чувствовать, капризности и мизантропии – и славит активность, душевное здоровье, волю к жизни.

Молодые актеры самозабвенно лицедействуют, составляют превосходный актерский ансамбль, с воодушевлением и похвальным уровнем мастерства создают атмосферу постановки – легкую, живую, очень «игровую». Всё, как и хотел Прокофьев: «нет ни одной минуты, в которую что-нибудь не происходило бы». Исполнители вполне вжились в специфическую, осложненную неродным для них языком стилистику вокальной речи, почти вне мелодически оформленных построений, интонируют речитативно-декламационные партии с такой естественностью, непринужденностью и азартом, как будто это Верди, Бизе или Чайковский. Это относится и к хору, который не стоит столбом, очень сценически активен, легко справляясь при этом с немалыми интонационными и ансамблевыми трудностями. Не зная заранее, что это студенческая работа, можно решить: талантливая молодая профессиональная труппа. На общем ровном высоком уровне лично я все-таки выделил бы ростовчанина Ю. Алехина (Король), ереванца П. Каразяна (Принц) и обучающегося в Глазго бразильца М. де Сузу (Фарфарелло).

Про оркестр под управлением Тимоти Дина можно было бы сказать, что он чутко реагирует на события, повороты сюжета, возникающие сценические ситуации. Нет, его роль более существенна. Он не иллюстрирует действие, не сопровождает его. Кажется, это он *направляет* поток событий, задает тонус и темпо-ритм, диктует пластическое поведение персонажей. Формирует тот самый «вихрь драматического действия», который так боялся потерять Прокофьев, сочиняя оперу. И лепит форму, обеспечивает ее цельность и «направленность на слушателя!» Оркестр забавляется, веселится, дурачится, корчит рожи, покатывается со смеху. Он не прячется за певцов и нигде не «душит» их – как тут было не вспомнить, что Дин – великолепный концертмейстер, который знает, где уйти на второй план, где поддержать партнера, а где проявить инициативу.

Сила этого спектакля, как и всякой хорошей постановки, – в гармонии составных элементов, их художественном единстве. А достигнутая цель – развеселое в то же время интеллектуально острое действо «на потеху и на радость зрителям» (Б. Асафьев, 1926).

Такие разные сестры...

Самая продолжительная и впечатляющая по размаху акция в рамках проекта прошла в апреле 2009 года на Донской земле – «Дни Королевской шотландской академии музыки и драмы в Ростовской государственной консерватории (академии) им. С. В. Рахманинова». Творческие встречи, мастер-классы, концерты вызвали неподдельный интерес консерваторцев и широкой публики. В течение трех недель консерваторию посетили:

Р. МакАлистер и Т. Дин; зав. кафедрой струнных инструментов, педагог по классам скрипки, альты и камерного ансамбля, специалист по барочной музыке, профессор Питер Лиссауэр; «первый альт» Шотландской оперы, профессор Лев Атлас (до 1991 ростовчанин) и его ученик, артист квартета Пражской филармонии Иржи Кабат; директор Юношеской академии музыки при RSAMD Хевиленд Уилшир; видный шотландский литератор, сценарист и режиссер Бернард МакЛаверти, пять студентов-вокалистов, а также заведующий оперной студии Ереванской консерватории, режиссер Ованес Ованесян, два молодых певца из Еревана и др.

П. Лиссауэр провел мастер-класс, Л. Атлас и И. Кабат дали концерт в двух отделениях (первый из них играл на альте и скрипке, исполнил собственные переложения для альты некоторых скрипичных сочинений), Б. МакЛаверти встречался с педагогами и студентами консерватории, а также с учащимися спецшколы-интерната санаторного типа.

Завершились «Дни» совместным концертным исполнением оперы Р. Штрауса «Ариадна на Наксосе» на сценах Таганрогского театра драмы им. Чехова и Ростовского

музыкального. На Камерной сцене РГМТ состоялась также «Вокальная ассамблея: Глазго – Ереван – Ростов», в программу которой вошли драматическая кантата Б. Бриттена «Федра» (для меццо-сопрано и камерного оркестра), арии и ансамбли из опер, романсы, народные песни – бразильская, шотландская, исландская, неаполитанская.

За месяц до этого «Ариадна» и «Федра» были четырежды представлены в Глазго; в России же они исполняются крайне редко, а в Ростове звучали впервые. По нашим сведениям, российская премьера «Ариадны» состоялась в 2004 на сцене Мариинского театра – спустя почти сто лет после первого показа. Между тем, на Западе «Ариадна», как и другие оперы Р. Штрауса, весьма популярны (исполнение партии Цербинетты принесло в свое время первый громкий успех Элизабет Шварцкопф). Не сходит с концертной эстрады и «Федра», лебединая песнь Бриттена. Он написал кантату в 1975 году для выдающейся английской певицы Дженет Бейкер, которая и исполнила ее впервые на Алдебургском фестивале в 1976, в год смерти мастера. Несмотря на непривычный для ростовских любителей оперы репертуар, ростовские залы были полны, что еще раз подтверждает известную истину: даже не самые простые для восприятия произведения могут привлечь аудиторию, если организаторы позаботятся о грамотной рекламе, если премьера становится событием до того как она состоится. Событие это стало этапным и для Ростовского музыкального театра: подобные репертуарные раритеты на его сцене еще не звучали.

Благодаря целенаправленным усилиям консерватории, премьерам уделили немалое внимание местные СМИ. Приведу заголовки: «Ростов-на-Дону и Глазго связаны нитью Ариадны», «С альтом и множеством побед вернулся через тридцать лет» («Вечерний Ростов»), «Ростов – Глазго: время сводить мосты» («Культура Дона»), «Шотландцы на Ростовской сцене» («Наше время»), «Оперные проекты двух академий» («Академия»), «Такого вы еще не слышали» (газета «ДонТР»), телерепортаж и радиопередача этой же компании, сообщения на интернет-портале «Агентство культурной информации».

Идею объединить в своеобразную дилогию «Ариадну» Штрауса и «Федру» Бриттена (в Глазго они шли в один вечер) нельзя не признать остроумной и оригинальной. Их сюжеты словно протягивают друг другу руки, недаром оба они привлекли интерес М. Цветаевой. Главные героини – родные сестры, дочери критского царя Миноса, в разное время влюбленные в Тесея. Это Ариадна, как мы знаем со школьных лет, помогла ему, победившему кровожадное чудовище Минотавра, выбраться из хитроумного лабиринта благодаря клубку ниток. А потом рыдала, вероломно покинутая им на острове Наксос. А Федра, вышедшая за него замуж, воспылала преступной страстью к пасынку Ипполиту, неодолимой страстью, внушенной ей мстительной Афродитой...

Жанр и концепция обоих произведений диаметрально противоположны, как это нередко и случается в дилогиях. Бриттен трактует сюжет на полном серьезе и создает, по сути дела, лирико-драматическую монооперу, где чередуются монологи наедине с собой и обращенные – к Ипполиту, служанке Евноне и Тесею; действие, таким образом, исключительно психологическое, внутреннее (либретто Р. Лоувелла по трагедии Ж.-Б. Расина). Штраус вместе со своим либреттистом Г. фон Гофмансталем (плодами их творческого содружества стали пять опер) создали произведение, предвосхищающее постмодернистские «миксты», соединив два сюжета – собственно мифологический и комедийный. По прихоти сумасбродного мецената в его доме должны разыгрываться – одновременно! – опера-драма на античный сюжет и фарс. Страдающая Ариадна, бог Вакх и нимфы вынуждены вступить в контакт с бытовыми действующими лицами, главные из которых – комедиантка Цербинетта и трое ее партнеров, по сцене и не только. Соединившись, сюжеты превращаются в дискуссию о сути высоких и низких жанров, в «оперу об опере» (переключки с прокофьевскими «Апельсинами», акцентированная наличием в обоих сочинениях персонажами). И в «дискуссию» о любви, столь же ироничную, сколь и философичную, и трогательную. Вывод очевиден: от несчастной любви следует искать убежище не в смерти, а в новой любви. А комедия и трагедия,

высокое и низкое – не альтернативы искусства, а разные его грани, ибо такова и сама жизнь...

Федру добросовестно спела Л. Коллетт. В числе лучших исполнителей главных партий в опере Р. Штрауса назвал бы А. Корецкую (Ариадна), В. Тырон и А. Торосян (Цербинетта), М. де Суза (Арлекин). Блестяще прошла и «Вокальная ассамблея: Глазго – Ереван – Ростов», своеобразный парад 12 талантов из вузов трех стран. Судя по громкости и продолжительности аплодисментов (и по моему личному ощущению), всех затмила блистательное сопрано Асмик Торосян – ослепительной красавицы, великолепной актрисы и умной певицы.

Подлинным героем «Дней» стал Т. Дин, который дирижировал исполнениями оперы и кантаты (камерный оркестр Ростовской консерватории, художественный руководитель Семен Коган) и выступил в качестве концертмейстера на «ассамблее».

Codetta

Я заканчиваю эту статью в сентябре 2009 года, в дни, когда в Ростове находится с рабочим визитом небольшая делегация наших шотландских партнеров. Главная цель – кастинг, окончательное утверждение исполнителей сольных партий в «Войне и мире». Процесс непростой, ибо опера, как известно, весьма «многофигурна». А когда журнал с этим материалом попадет к читателю, мировая премьера ранней редакции оперы Прокофьева в Ростове уже будет позади. Но сотрудничество двух музыкальных академий на этом, я уверен, не прекратится: на воображаемом мосту между реками Дон и Клайд наблюдается оживленное движение. Уверен и в том, что сама модель сотрудничества может прийтись ко двору и другим консерваториям, завязавшим партнерские отношения.

Шотландцы склонны к словесным преувеличениям не только в обиходной речи (только и слышишь *Grate! Fantastic!*), но и в текстах, предназначенных для публичного распространения – в буклетах, на веб-сайте академии, в приветствиях на официальных и полуофициальных приемах. В программке к исполнению в Глазго «Ариадны» и «Федры» шотландскому зрителю рассказывают о проекте в таких выражениях как «инновационная и захватывающая программа музыкального и образовательного сотрудничества», «беспрецедентное партнерство».

Но в данном случае никаких преувеличений нет, сказанное соответствует действительности.

Музыкальная академия. 2010. № 2